

НЕПРЕХОДЯЩАЯ КЛАССИКА

Впервые эта статья, написанная в 1992 году, была издана Ивановским государственным университетом четыре года спустя после смерти автора. Текст работы приводится по изданию: *Сорокин В. С. Взаимодействие квантовых систем и вероятности. Два меморандума о русской революции и кризисе XX века: Последние работы.* Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. С. 29—61.

Виктор Сергеевич Сорокин (1908—1994) — крупный физик-теоретик, профессор. В 1942—1951 и 1958—1968 годах работал в Ивановском государственном педагогическом университете. После выхода в отставку в возрасте шестидесяти лет он полностью посвятил себя научным исследованиям.

В. С. Сорокину посчастливилось работать с крупнейшими отечественными учеными — в конце 20-х годов прошлого века с академиками Л. Д. Ландау и Семеновым (будущими лауреатами Нобелевской премии), несколько позднее с академиком В. А. Фоком.

Метод, ставший концептом содержания его работ, восходит к творчеству Г. Гегеля и, по собственному мнению автора, равно применим как при изучении явлений природы, так и для анализа культуры, в частности истории.

Как пишет в своей рецензии на статью профессор Д. И. Польшанский, «автор рассматривает общество как естественно развивающуюся систему, подверженную энтропии и движимую задаваемым изнутри в соответствии с уровнем осознания реальной направленности целями»¹. Рецензент ставит работу В. С. Сорокина в один ряд с трудами Н. Я. Данилевского, Д. И. Менделеева, В. И. Вернадского, И. Н. Пригожина, замечая при этом, «хотя данная работа, естественно, и по масштабам, и по завершенности может сравниваться с трудами вышеупомянутых ученых лишь условно, обращение высококвалифицированного теоретика-естествоиспытателя к истории может вызвать интерес как у специалистов, так и у вдумчивого читателя»².

¹ Приложение / Сорокин В. С. Взаимодействие квантовых систем и вероятности. Два меморандума о русской революции и кризисе XX века: Последние работы. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. С. 62.

² Там же.

**ДВА МЕМОРАНДУМА
О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И КРИЗИСЕ XX ВЕКА**
Исследование *more physico*

I

Февральский переворот 1917 года разрушил Российскую империю. На ее развалинах возникло новое государство — Союз Советских Социалистических Республик. Эта, созданная Лениным и Сталиным, тоталитарная держава не только вернула России ее былое могущество, но еще больше расширила ее территорию, вышла победительницей из Второй Мировой войны и поставила перед собой задачу распространить свое влияние на весь мир. Сорок лет соперничество между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки держало мир в состоянии Холодной войны, и вдруг — социалистическое государство рухнуло. Основа тоталитарного режима в СССР — КПСС — перестала существовать, Советский Союз распался на несколько национальных государств, а его Мировая Социалистическая Система развалилась. Казавшийся закономерным процесс исторического развития привел к внезапному краху, в результате которого не видно выхода. Начавшаяся в 1917 году революция через семьдесят лет кончилась ничем. В чем же были ее смысл и ее Цель? Что ждет Россию в будущем?

Удивительно, что сейчас почти никто не пытается дать научное объяснение явлению, не имевшему прецедента в истории. Неожиданную катастрофу объясняют случайными причинами: ошибками и злонравием правителей, забвением моральных и нравственных принципов, потерей веры в Провидение.

Революции склонны считать явлениями ненормальными и противоестественными. Предлагают народу забыть три четверти века своей истории и вернуться назад к началу XX века, к «серебряному веку» русской литературы, к Православному Возрождению, к исконно русским традициям. Может быть, — к Православию, Самодержавию и Народности?

Трудно вообразить что-нибудь более нелепое и позорное. Если народ отказывается взять на себя ответственность за свое прошлое, он уже не народ.

Если мозг народа, его интеллигенция, захваченная врасплох взрывом 1917 года, ничему не научилась и в 1985 году снова оказалась бессильной перед лицом нового грозного вызова, то не значит ли это, что русский народ исчерпал свои возможности и сходит с исторической сцены?

Ответить на этот вопрос и, следовательно, найти ответ на стоящий сейчас перед Россией вызов, можно, по моему мнению, только подвергнув *научному* исследованию весь процесс революции в России с 1917 по 1991 год. Чтобы избежать бесплодных споров со сторонниками теории вмешательства Божественного Провидения в дела людей, я должен коротко изложить принципы научного изучения истории, которых придерживаюсь.

История исследует социальные системы. В нашем случае, такая система — государство, созданное русским народом на севере Евразии за последнюю тысячу лет.

Термин *система*, принятый также в естественных науках, означает нечто самостоятельное, развивающееся по своим имманентным законам, и в то же время — нечто неотделимое от внешнего мира *даже в абстракции*, так как все свойства системы являются, в конечном счете, ее «снятыми» отношениями к внешнему.

Социальная система — человеческое общество — как всякая система по самому понятию одновременно замкнута и открыта. Внешние «возмущения» проникают в общество через его границы, закрыть которые нельзя, не разрушив общество. Общество нельзя отделить от земли, на которой оно живет и свойства которой для общества случайны. Нельзя отделить от соседей, с которыми общество воюет, торгует, на которых излучает свою культуру и излучение которых поглощает. Во всех этих отношениях случайность играет огромную роль.

Но важнее всего то, что общество открыто на границе с психикой людей, обладающих «свободой воли». Поступки людей кажутся иногда ничем не обусловленными. Именно это считают существенным свойством социальных систем, делающим их недоступными научному исследованию. Между тем необусловленность поведения системы ее внутренними законами, то, что называют свободой воли, присуще *понятию системы* вообще, даже, например, электрону, который тоже нельзя отделить от внешнего мира. Психика человека, т. е. его мозг, образуется всей предыдущей историей общества, есть результат его культуры. Но в течение веков жизни общества клетки организмов людей подвергались непрерывному воздействию наполняющего пространство поля.

Защиты от этого нет, а зарождаются эти воздействия могут даже вне Солнечной системы. Они могут быть исчезающе малы (хотя могут быть и очень сильными), слабы даже в масштабах клетки. Однако вызываемые ими атомарные процессы, особенно в клетках мозга, могут радикально изменять реакцию организма на более грубые раздражения и тем самым резко изменять его поведение, которое и кажется тогда ничем не обусловленным. Непредсказуемость ответа на внешнее раздражение создает субъективное сознание свободы. Социальные причины вызывают непредсказуемые ответы отдельных людей, слагающиеся в общий, более или менее предсказуемый, социальный ответ.

Из-за этого всякие законы, в том числе и социальные, всегда только тенденции, стремления осуществиться или осуществить нечто, никогда не осуществляющееся. Можно сказать, что если бы общество развивалось «свободно», т. е. если бы его развитие определялось только его собственной природой и никаких внешних помех не было, то тогда и только тогда движение общества было бы определено однозначно. Судьба общества была бы известна наперед, и никакой свободы не было бы. Наоборот, так как действию имманентных законов необходимо мешают случайные внешние возмущения, общество субъективно свободно, ибо каждый человек в нем делает, что хочет, и движение общества не обусловлено в нем самом. В этом чрезвычайно трудно схватываемом единстве необходимого и случайного, составляющем понятие закона, ничего мистического нет. Научное исследование социальных систем так же возможно, как и всяких других. Живая клетка, например, может быть, даже сложнее общества, ибо число молекул в ней неизмеримо больше, чем число людей в обществе. Даже электрон оказывается чрезвычайно сложной системой. История такая же наука, как и всякая другая. Только нельзя требовать от нее того, чего она не может дать.

В частности, нужно сразу же отказаться от попыток предсказывать будущее в истории. Законы, определяющие развитие общества, не задаются извне, а обнаруживаются как результат движения, несмотря на случайные помехи. Только исследуя в целом уже осуществившееся развитие, можно понять смысл закона, Причину движения и его Цель. В понятии закона Цель и Причина — едины. Даже в классической механике закон движения можно, как известно, формулировать двояко: механическая система движется так, а не иначе, *потому что* она была сначала в определенном состоянии и в то же время — *для того, чтобы* прийти в конце в определенное состояние. Но нужно

различать объективную, или идеальную, Цель (по-немецки — *das Ziel*), и непосредственную, ближайшую и обычно «пошлую» цель (по-немецки — *der Zweck*). Идеальная Цель вообще не может быть достигнута, а пути к ней общество выбирает свободно. Каждый стремится к своей цели, и эти случайные стремления сливаются в стремление к идеальной Цели, не совпадающей ни с одной случайной.

Начало научному изучению истории положил, по-видимому, все-таки Маркс. Он исследовал *модель* общества, изолированного от соседей и состоящего из двух классов: капиталистов, владеющих всеми средствами производства, и рабочих, не владеющих ничем, кроме своей рабочей силы. Географическую среду Маркс считал данной и неизменной, а духовный мир людей учитывал только в его связи с экономикой. Величайшим его достижением было изучение общества *в движении*. Именно это делало его теорию для многих неприемлемой. Живущие в «нормальных» условиях боятся перемен. Им хочется, чтобы существующий порядок сохранялся вечно, и они не хотят видеть неизбежности изменений.

В своей модели «классического капитализма» Маркс обнаружил тенденцию к обобществлению средств производства и исчезновению классов. Каким образом должна осуществиться эта тенденция, Маркс не знал, и знать не мог. Но обстановка в Европе в конце XIX века была такой, что со дня на день ждали захвата власти рабочим классом. Маркс этого страстно желал. Бросившись в политическую борьбу, он разработал теорию пролетарской революции и подавления сопротивления капиталистов с помощью диктатуры пролетариата. Эта теория, распространившись среди рабочих, — как всякая теория, когда она становится достоянием масс, — сразу же превратилась в *религию*. Произошло это тем легче, что Маркс не удержался от фантазий об «отмирании» государства после исчезновения классов и о коммунистическом рае на Земле. Эти фантазии имеют мало отношения к научной теории Маркса, но именно это его Учение стало новой Мировой религией.

Революционеры мало думали о том, что капитализм нигде не существует в столь идеальном виде, как в модели Маркса. Им нужно было именно Учение, способное увлечь массы, обращенное не к разуму, а к чувству и вере. Перед Первой Мировой войной новая религия широко распространилась среди рабочих Европы и Америки, а также среди части русской интеллигенции, принявшей с особенным жаром новое Откровение.

Бурное развитие капитализма в конце XIX и начале XX века закончилось, как известно, неожиданной катастрофой — Мировой войной. Внезапный взрыв после долгого, медленно ускоряющегося развития, не редкость в истории. Однако он почти всегда оказывается неожиданным. Предсказать именно такой взрыв Маркс не мог уже потому, что взрыв произошел в системе связанных между собой обществ и был вызван их взаимодействием друг с другом. Мировая война разрушила четыре империи — Германию, Австро-Венгрию, Турцию и Россию. В России произошла революция, так что предсказание Учения Маркса как будто оправдалось.

Однако история сыграла с новым Учением злую шутку. Революция разразилась не в Западной Европе, где капитализм был все-таки похож на классический, а в России — обществе совсем другого типа. Кроме капиталистов и рабочих, в России были — и даже составляли подавляющее большинство населения — крестьяне, а рядом с ними — помещики. Революцию начали именно крестьяне. Мобилизованные в армию, они получили в руки оружие и обратили его против помещиков, чтобы отобрать у них землю, которую они так и не могли выкупить в течение пятидесяти лет после освобождения от крепостной зависимости. К крестьянам присоединились рабочие. Революция сразу приобрела характер катастрофы, и государственная машина развалилась. В возникшем хаосе власть захватили большевики, исповедовавшие Учение Маркса. Началась гражданская война, помещики и капиталисты были частью истреблены физически, частью бежали за границу, а остатки превратились в «классовую пыль», рассеявшуюся среди народа. Образовалось общество, состоявшее из двух «дружественных» классов — рабочих и крестьян. Модели такого общества никто не исследовал, и никакой теории его развития не было. Сначала было и не до теории, дело шло о жизни и смерти — о завоевании и удержании власти. Но как только гражданская война и интервенция закончились и «партия рабочего класса» РКП(б) утвердилась у власти, ей пришлось заняться теорией. Как предсказывал Маркс, партия осуществила в России диктатуру пролетариата. Но чье сопротивление должна была подавлять эта диктатура? Капиталистов не было, были только крестьяне.

Применяя научный метод Маркса, Ленин исследовал новую модель — общество, состоящее из двух классов: рабочих, живущих в городах и владеющих промышленностью, и крестьян, живущих в деревне и ведущих индивидуальное сельское хозяйство. Власть принадлежит рабочим, организующим государственный аппарат в интересах общества. Ленину нужна

была теория как «руководство к действию», а не утопии, и у него был достаточно трезвый ум, чтобы правильно оценить обстановку. Но ему мешал авторитет Маркса (пресловутое «сам сказал») и его Учение, уже завоевавшее массы. Ни Маркс, ни Ленин не повинны в том, что революция случилась в России, и что она оказалась столь кровавой. Революция — стихийное явление, подобное землетрясению, обуздать развязанные ей страсти не под силу никому, и предсказать ее невозможно.

Новое общество в России возникло в результате *мирового кризиса*, поэтому *начальное состояние* изученной Лениным модели было *случайным* и далеким от «нормального». В этом состоянии интересы обоих «дружественных» классов не только не совпадали, но были прямо противоположны. Крестьяне могли, в крайнем случае, жить без рабочих, а рабочие без крестьян умерли бы с голоду. К сожалению, эсеры, выражавшие интересы крестьян, не разработали своей теории, а действовать им не дали большевики. Так и осталось неизвестным, могли бы оба класса мирно жить вместе. Вынужденные жить под властью рабочих, крестьяне хотели, чтобы им позволили владеть отнятой у помещиков землей и не заставили отдавать даром плоды своего труда рабочим, от которых ничего нельзя было получить взамен, ибо промышленность после гражданской войны была полностью разрушена. Рабочие же умирали с голоду и вынуждены были просто отбирать у крестьян хлеб, заплатить за который им было нечем. Диктатура рабочих должна была подавлять не капиталистов, которых не было, а грабить крестьян. Разница громадная. Капиталистов при всех условиях было бы немного, а крестьян — большинство населения. У капиталистов можно отобрать фабрики и заводы, а если у крестьян отобрать землю, куда их девать и кто будет на этой земле работать?

Очевидно, для подавления крестьян нужна гораздо более свирепая диктатура, чем для подавления капиталистов. Избежать организации такой диктатуры в данных начальных условиях было нельзя, она была необходима.

Чтобы создать такую государственную машину, Ленин изобрел, а Сталин создал «партию нового типа», массовую организацию, предназначенную для ведения политики другими, именно — военными, средствами. В России началась двадцатилетняя Крестьянская война, сопровождавшаяся идейной борьбой в самой партии, истреблением политических противников и массовым террором. Эта война закончилась ликвидацией крестьян как класса, превращением их тоже в «классовую пыль», лишенную экономических корней,

но сохранившую крестьянскую психологию. Сельское хозяйство было совершенно разорено. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Россия не оказалась втянутой во Вторую Мировую войну — опять воздействие извне!

Виноват ли Ленин в том, что основал диктатуру рабочих вместо того, чтобы создать демократическое государство рабочих и крестьян? Ничего подобного он создать не мог и прекрасно понимал это. Свою Новую Экономическую Политику, НЭП, он считал вынужденным тактическим ходом, временной уступкой крестьянам, которые, по его мнению, «рождают капитализм ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе». Ленин умер как раз тогда, когда отношения между городом и деревней до крайности обострились. После его смерти давление на социалистическое государство извне резко усилилось. Движение общества перестало быть свободным и определялось уже не своими имманентными законами, а внешними силами. Модель изолированного общества уже не годилась.

На долю Сталина выпало ведение тотальной внутренней войны. В тотальной войне любое общество бывает вынуждено организовать тоталитарный режим, который только и может мобилизовать все физические и духовные силы общества на борьбу за жизнь.

В тотальной войне необходимы жесткое планирование производства, принудительный труд, нормированное потребление, железная дисциплина и «морально-политическое единство» общества. Никакое инакомыслие не может быть терпимо. Политических противников в руководстве беспощадно устраняют, и государство вообще равнодушно к судьбе отдельных людей, как к судьбе отдельных солдат на фронте. Для подобных эпох характерно самоотвержение как результат высшего напряжения духовных сил и рабского подчинения тотальному давлению государства. Живущим в «нормальных» условиях непонятна та атмосфера подъема и увлеченности неодолимым потоком истории, та обреченность и, в то же время, самоутверждение, в которых сливаются личность и общество в тотальной войне. Теперь, когда это героическое время прошло, спрашивают: правильно ли поступил Сталин, истребляя крестьян и проводя Великий Террор, или он трагически ошибался? Мог ли он править демократическими методами и вести идейную борьбу в партии «цивилизованно»? На такие вопросы возможен только отрицательный ответ. В борьбе за жизнь никакие моральные и нравственные принципы не действуют. Но верно ли оценивал Сталин обстановку? Он не был ни

философом, ни ученым. В начале своей политической карьеры он подпал под влияние Ленина и усвоил его Учение о диктатуре пролетариата в крестьянской стране. Придя к власти, он должен был действовать, и он применял учение Ленина на практике в меру своего разумения. Свободы выбора у него, по видимому, никогда не было. История правления этого выдающегося государственного деятеля еще не написана, но ясно одно: Сталин вывел Россию из Второй Мировой войны как Сверхдержаву, уступающую только Соединенным Штатам Америки, и *построил социализм в «одной, отдельно взятой стране»*. Правда и то, что социализм этот оказался совсем не тем раем на Земле, о котором мечтал Маркс. В этом нет ничего удивительного — осуществленная Цель всегда оказывается не тем, что мерещилось впереди в борьбе за ее достижение. Социализм в России оказался тоталитарным государством, управляемым Коммунистической партией.

Если бы после Второй Мировой войны Советский Союз оказался изолированным от всех своих соседей, в нем, чего доброго, был бы построен коммунизм. Трудно сказать, на что он был бы похож. Вероятно, получилось бы застойное и, следовательно, разлагающееся общество. Но СССР был окружен могущественными соседями, настроенными отнюдь не миролюбиво. Можно ли было и нужно ли было в таких условиях смягчить тоталитарный режим? Вечно держать общество в состоянии предельного напряжения невозможно. Цель, ради достижения которой надо жертвовать всем, должна быть либо достигнута, либо оказаться недостижимой. В обоих случаях надо поставить перед обществом новую Цель. Если она не потребует чрезмерных усилий, тоталитарную диктатуру можно будет ослабить, но это, как известно, очень опасно для режима. Если же новая Цель опять потребует великих усилий — тоталитарный режим можно сохранить, может быть, даже увеличив его свирепость. Какой путь должна была выбрать после войны правившая в СССР партийная бюрократия?

Она должна была задуматься над тем, для чего она нужна и нужна ли вообще. Если она окажется ненужной, ей грозит потеря ее положения в обществе и гибель. Поневоле пришлось заняться теорией.

Теперь, когда перед нами уже завершившийся процесс, можно рассмотреть новую (третью) модель: бесклассовое общество, управляемое *сословием* бюрократов. Массовая правящая партия, КПСС, стала именно сословием, а не классом. Правящий класс создает для поддержания своего

господства государственную машину, движущая сила которой — сословие бюрократов, слуг господствующего класса, работающих на него и в его интересах. Если классы исчезают, как в СССР после войны, слуги оказываются без господ, которым они должны служить. Для такого сословия единственным смыслом существования становится стремление к самосохранению. Поставить перед всем обществом такую Цель, очевидно, нельзя. Пойти на самоубийство КПСС, конечно, не могла. Вряд ли думал об уничтожении партии сам Сталин, создавший ее и работавший в ней всю жизнь. (Впрочем, до сих пор не ясно, что он затевал после XIX съезда).

Так или иначе, приходилось искать новую Великую Цель. И, как в 1917 году, опять появилась надежда на близкую победу Пролетарской Революции теперь уже во всем мире, которую могла возглавить Россия. Случай нельзя было упустить. Пролетариат капиталистических стран почему-то не собирался восставать — он, «подкупленный буржуазией, изменил» Марксизму. Россия поднимет народы Третьего Мира и уничтожит капитализм. В этом ее историческое предназначение.

Сталин определенно не считал Вторую Мировую войну законченной поражением Германии и Японии. После оккупации советскими войсками половины Европы и победы коммунистов в Китае в 1949 году он намеревался везде оттеснить своих бывших союзников и расширять Мировую Социалистическую Систему. Возникла новая грандиозная задача, опять требовалось напряжение всех сил, стало быть, — еще большее усиление тоталитаризма. Счастливым образом партия могла, не меняя своей природы и своей идеологии, сохранить свою власть. Надо продолжать Вторую Мировую войну другими средствами!

Так началась Холодная война.

Ошибся ли Сталин, выбрав этот путь? Альтернативой было бы мирное сосуществование с капиталистическими государствами, переход к демократии и уничтожению КПСС. Вряд ли можно было надеяться сделать это мирным путем: партия не отказалась бы от власти добровольно. К тому же Сталин, вероятно, думал, что он сделал правильные выводы из марксистского учения, усмотрев «диалектическое единство» построения коммунизма в СССР и борьбы с капитализмом во всем мире. И он бросился, очертя голову, в безнадежную борьбу с гораздо более мощными капиталистическими державами, из которой уже нельзя было выйти. Так же поступил и Гитлер в 1939 году, так же —

Германия в 1914, так же — Бонапарт в 1812. Все они были вынуждены идти на неизбежную гибель, ибо другого выхода не было. Роковое безумие.

Казалось, смерть Сталина означала конец Русской революции. Но мы знаем теперь, что ее Цель еще не была достигнута. Началась тридцатилетняя Холодная Мировая война. Гонка вооружений началась еще в ходе Второй Мировой войны, еще при жизни Сталина. В Америке была создана и испробована урановая бомба. Нужно было немедленно догонять соперника, получившего новое грозное оружие. Со свойственными Сталину административным мастерством и энергией он занялся атомной «проблемой». Были мобилизованы огромные коллективы ученых и инженеров, создано несколько секретных научных центров с большими опытными заводами, собрана миллионная армия заключенных для засекреченного военного строительства. Об ослаблении тоталитаризма не могло быть и речи, наоборот, несмотря на прекращение военных действий, надо было сохранить тотальную мобилизацию общества.

В это время Сталин умер. Как обычно бывает после смерти диктатора, началась борьба за власть между его «соратниками», в результате которой вождем партии стал Хрущев, истребивший или сославший всех своих соперников. Остановить гонку вооружений было невозможно, она была в самом разгаре. Хрущев и не собирался этого делать. Человек совершенно необразованный (он никогда нигде не учился), не очень умный, возвышавшийся при Сталине, занимая посты репрессированных, он вряд ли был способен оценить создавшуюся после войны обстановку. Но он не мог не видеть, что народ обескровлен войной и террором, обессилен физически и морально, потерял веру в коммунизм и смысл жизни. Надо было хоть немного улучшить условия жизни людей, дать им что-нибудь вместо бесконечных обещаний, поставить перед народом Цель, достижимую в ближайшем будущем. Но как было это сделать? Сократить расходы на вооружение Хрущев и не помышлял. Как раз в это время, догнав Америку, Сахаров с сотрудниками создали водородную бомбу, а в освоении космоса мы даже вышли вперед. Холодная война разгоралась, а воспитанный партией Хрущев твердо верил в догмат неизбежной гибели капитализма и в непогрешимость «коллективного» разума партии. Он действительно думал, что ему удастся «угробить» капитализм, что он и провозгласил с трибуны ООН. Но народ вряд ли в это верил. Что было делать?

Проще всего было свалить вину за все прошлые беды на Сталина. Партия «осудила» культ его личности и некоторые его «ошибки», началась реабилитация жертв террора. Все это подтачивало авторитет партии. Чтобы его восстановить и сохранить «руководящую роль» партии, Хрущев решился на крайнее средство: он возвестил пришествие коммунизма в СССР «уже при жизни этого поколения». Царство небесное было обещано на Земле, и в близком будущем. Капитализм прогнал насквозь, он вот-вот развалится, нужно только немного нажать. Трудно понять, как можно было всерьез ставить такую бессмысленную задачу. Только совсем отчаявшийся народ мог бы поверить в чудо. Не знаю, поверил ли народ. Если и поверил, то не устремился. Устремилась партия, устремилась состоявшая на содержании государства «творческая» интеллигенция. И очень скоро стало очевидно всем, что новая Цель недостижима — капитализм не собирался погибать.

Больше обещать народу было нечего. Победить в Холодной войне Советский Союз не мог ни при каких условиях. Холодная война мало чем отличается от настоящей. Производится огромное количество оружия; хотя оно не уничтожается на поле боя, оно сразу же идет на слом и заменяется более совершенным. Каждая из воюющих сторон должна производить оружия больше и лучшего качества, чем ее противник. Поэтому уровень необходимого военного производства устанавливает более сильный, а более слабый должен гнаться за ним, напрягая все силы и снижая уровень жизни своего народа до абсолютного минимума. Исход такой борьбы ясен с самого начала: более слабая сторона обречена в конце концов на капитуляцию. Так кончились обе Мировые войны, так кончилась и Холодная война. Опыт истории говорит, что побежденный никогда не сдаётся, не доведя борьбы до полного поражения, до последнего момента надеясь на чудо. Проигрывающее войну правительство не может признать победу невозможной, как бы очевидно это ни было, ибо не может пойти на самоубийство. Кончат самоубийством могут вожди, а класс или господствующее сословие борется до конца, ибо судьба общества ему безразлична.

Хрущева свергла сама партия не потому, что его обещания не были выполнены, а потому, что он не хотел ускорить гонку вооружений, считая, что капитализм развалится сам собой. Заменял его еще более бездарный «вождь»: партия совсем разложилась.

Теоретическое исследование гибели тоталитарного социалистического государства в ходе Холодной войны очень трудно. В модели изолированного социализма не видно никаких имманентных законов, она не поддается анализу «в себе». Будучи отделено от внешнего мира, такое общество как будто теряет способность к изменению и обречено на застой. Идеалом в нем становится удовлетворение примитивных потребностей, ибо «благородные» потребности возникают как реакции на вызовы, а никаких вызовов в благоденствующем обществе нет. Таким неподвижным обществом был бы, вероятно, коммунизм, если бы он где-нибудь возник.

Вероятно, в модель такого общества следует ввести психические факторы, выходящие на первый план при отсутствии других. «Свобода» тогда будет играть ведущую роль, и движение станет полностью непредсказуемым. Людям, например, может просто надоест блаженная жизнь и *taedium vitae*³ может породить безумие.

В Советском Союзе, однако, ведущим фактором развития стали внешние силы. Потерявшее способность к самодвижению общество вынуждено было идти не по им выбранному пути. Историю СССР в период с 1955 по 1985 год нельзя изучать отдельно от истории всего человечества. Во второй половине XX века на Земле началось слияние цивилизаций. На Западный мир идет Нашествие Варваров, сливаются Христианство, Ислам, Буддизм, примитивные культуры Африки. Никто не знает, к чему это приведет.

Русская Революция (или Первая война?) начала новую эпоху в развитии человечества, и сейчас трудно понять смысл этой Революции и ее Цель. В России она привела к социализму, но остальной мир пошел по другому пути, и социализм в России погиб, едва успев родиться. России приходится как будто возвращаться назад, чтобы примкнуть к остальному миру, пошедшему по дороге, с которой Россия сошла в 1917 году. Однако вернуться назад нельзя. Да и нужно ли отказываться от всего, что русский народ сделал в ходе Революции? Никто не знает, куда идет человечество и что ждет его в будущем. Прежде чем начать переделывать сложившийся в России порядок, надо понять, что в нем хорошо, а что плохо, а не подражать слепо Западу. Не может ли Россия сама найти выход из общего кризиса и тем помочь его преодолеть?

³ *Примечание:* пресыщенность жизнью (лат.)

От политической структуры и идеологии тоталитарного режима, несомненно, нужно было отказаться. Советским Союзом правила массовая партия, превратившаяся в правящее сословие. Отбор в него начинался с детства: с четырнадцати лет все «добровольно» вступали в комсомол, в котором должны были состоять до 28-летнего возраста. Выйти из комсомола было практически невозможно, из него могли только исключить, и тогда пятно на исключенном оставалось на всю жизнь. В партию же принимали избранных, в плановом порядке, так, чтобы в ней состояло около 10% взрослого населения. Наиболее активные включались в номенклатуру партийных комитетов — РК, ОК и ЦК, и только их выдвигали на все ответственные посты.

В партии действовал «принцип демократического централизма»: все партийные посты были выборными, но все партийные организации должны были беспрекословно подчиняться решениям высших органов. На практике «рекомендованные» высшими органами кандидаты на все партийные посты «единогласно избирались» на местах. Этот же порядок автоматически распространился на весь аппарат управления: назначался всегда человек, «рекомендованный партией». «Выбирать» приходилось из одного кандидата. (Ходил злой анекдот: Ягве, сотворив Еву, привел ее к Адаму: «Выбирай себе жену!».)

Таким образом, все руководящие работники подчинялись только партии и только перед ней отвечали. Неуклонно соблюдался неписанный закон: отдать под суд члена партии можно было только после того, как он будет из партии исключен. Более того. С течением времени органы партийного аппарата стали дублировать все органы государственного управления и все общественные организации — каждому соответствовал отдел ЦК, обкома или райкома. Фактически все вопросы решались в аппарате ЦК, а затем «постановления партии и правительства» передавались для исполнения на места. Власть партии проникала во все поры общества. Гигантский механизм работал, как машина, моментально передавая полученные в Центре импульсы на периферию и собирая оттуда всю информацию.

Но совершенно очевидно, что с течением времени партийная бюрократия должна была потерять — и потеряла — всякую способность проявлять самостоятельность, тем более, что центр требовал только безусловного подчинения. Сталин прямо говорил, что ему нужны люди, действующие по принципу «об исполнении донести». А так как на верх партийной иерархии постепенно поднимались новые люди, вытесняя старых революционеров, вся

система не могла не вырождаться. К неизбежной гибели ее подталкивало еще стремление к «морально-политическому единству» общества. Партии было недостаточно просто повиновения, она хотела, чтобы ее Учение исповедовали не за страх, а за совесть. Ей нужна была единая истинная государственная *религия*, не терпящая никаких ересей. Все должны были с детства воспитываться по принципам этой религии, изучать ее догматы и исполнять ее обряды. Целая армия идеологических работников занималась проповедованием официального Учения и искоренением инакомыслия.

В таких условиях то, что называли Марксизмом, не могло не превратиться в буквоедство и совершенно оторваться от действительности. Дело дошло до того, что были объявлены «идеологическими извращениями» все новые теории не только в общественных науках, но и в физике, химии, биологии.

Чтобы сохранить чистоту единой истинной религии, нужна была строгая идейная изоляция общества и искоренение и пресечение всякого буржуазного влияния. Однако не признавать твердо установленных фактов и основанных на них теорий было, очевидно, нельзя. Марксистам приходилось, незаметно для себя, постепенно отказываться от догматов официального учения, коммунистическая идеология размывалась и исчезла бы сама собой, как исчезла, например, расовая теория германского фашизма.

Уничтожить КПСС нужно было обязательно.

Другое дело — экономическая система социализма. Она сложилась в Советском Союзе в ходе сначала Крестьянской войны, а затем Второй Мировой и была рассчитана на тотальную мобилизацию общества. Все средства производства без исключения были собственностью государства и эксплуатировались государством. Каждое предприятие должно было делать то, что ему предписывалось государственным планом. Гигантский конгломерат управлений и научных институтов — Госплан разрабатывал общий план развития общества, который затем «спускался» министерствам, а от них — всем предприятиям. Каждое предприятие получало обязательное для исполнения «плановое задание». Уверенности в том, что это задание будет выполнено, очевидно, никогда не могло быть, и оно, действительно, редко исполнялось. Поэтому везде партийные комитеты организовали социалистическое соревнование за перевыполнение (!) плана. Теоретически оно должно было заменять господствующую при капитализме конкуренцию. На

деле принятые формально «социалистические обязательства» никем не принимались всерьез и сразу забывались. Выполнив — или не выполнив — план, предприятие отдавало все, им произведенное, тем, кому это было назначено планом, а само получало все необходимое для дальнейшей деятельности — и ничего больше. Таким путем можно творить чудеса, и во время войны чудеса, действительно, творились. Труд при таких условиях становится рабским, рабочий день растягивается до максимума, рабочему едва остается время на сон, заработная плата превращается в натуральную, так как ее едва хватает на еду и одежду. Если бы государство могло, оно платило бы больше тем, кто работает лучше, сдельщина — испытанное средство поощрения. Но во время тотальной войны дать больше необходимого государство не может. Приставить погонщика к каждому рабочему — тоже нельзя. Производительность труда становится очень низкой, и среди работников распространяется апатия.

Обмен и распределение определяются военными потребностями. Деньги применяются только для удобства учета, а цены не выражают необходимых затрат труда. Отдельные люди вообще перестают существовать для государства, как отдельные солдаты на фронте. С людьми в тылу государство обращается даже еще более жестоко, чем с солдатами: на фронте они гибнут на виду у всех, а в тылу — где-то незаметно.

Ясно, что такая экономика становится никуда не годной, как только кончается война. Но в мирных условиях — что в ней плохо и что можно сохранить?

Когда в начале восьмидесятых годов стало ясно, что Холодная война Советским Союзом проиграна и что КПСС должна отказаться от всех замыслов «угробить» капитализм, пришлось искать пути выхода из войны и перехода к «мирному сосуществованию» с капиталистическими странами. Удивительно, что КПСС попыталась сделать это, продолжая «непримиримую идейную борьбу» с буржуазией! Как собиралась партия совместить мирное сосуществование с идеологической борьбой — понять нельзя. Борьба идеологий всегда отличалась особенной свирепостью, а коммунистическая идеология прямо требует уничтожения противника. Но отказ от своего Учения означал бы смерть партии, и она это прекрасно понимала. Идти на капитуляцию все-таки пришлось. Ставший Генеральным Секретарем Горбачев начал проводить политику «нового мышления». На том основании, что

выиграть войну обычными средствами никто не сможет, а ядерная война привела бы к уничтожению человечества, он заявил об отказе Советского Союза от поддержки Мировой революции и о переходе КПСС к демократическим методам правления при сохранении ее руководящей роли. Пришлось допустить отпадение сателлитов, объединение Германии и вывод войск из развивающихся стран, т. е. пришлось прекратить сопротивление и отвести войска на свою территорию — как и полагается при капитуляции.

За этим, очевидно, должен был последовать переход к мирной экономике и смягчение тоталитарного режима, переход к демократии и «соблюдению прав человека». Это требовало полного преобразования правящего сословия, фактически его уничтожения, ибо оно не могло отказаться от своего Учения и своего образа жизни, не перестав быть самим собой. И, конечно, партия не могла отказаться от власти, не могла ликвидировать двойного управления и допустить уничтожение номенклатуры. Она не могла добровольно пойти на гибель. Нужен был революционный переворот, чтобы сломать старое государство и создать новое, демократическое. Своеобразие такого переворота было в том, что он *не был нужен никакому классу*, его должна была осуществить сама партия, против которой он должен был быть направлен. Ответ на ставший перед обществом вызов нельзя было определить однозначно. Выбор решения был «свободным» и определялся случайными факторами. Альтернатива была такова: а) медленно перестраивать экономику, постепенно ослабляя тоталитарный режим и, следовательно, допуская неизбежное перерождение партии; б) насильственно перестроить экономику и общественный строй, сохранив диктатуру партии несмотря ни на что.

В первом случае законы экономики постепенно получили бы свободу действия, механизм рынка, регулируемый государством, привел бы цены в соответствие с затратами труда, так что исчезли бы вызванные войной диспропорции.

Во втором случае экономика должна была бы перестраиваться по заранее заданному плану, копируя Запад, а сделать это можно было бы, вероятно, только диктаторскими методами.

Партия раскололась. Возможно, ни Горбачев, ни другие руководители партии не понимали истинных причин постигшей страну катастрофы. Они видели, что уровень жизни в капиталистических странах выше, чем в СССР, и хотели перестроить экономику по западному образцу. Но ни у нас, ни на Западе

не было никакой теории развития капитализма. Можно ли было подражать капитализму, шедшему неведомо куда?

Начавшаяся в партии борьба привела, как известно, к попытке переворота. Сторонники сохранения руководящей роли партии попытались захватить власть, отстранив Горбачева. Сделано это было по-дилетантски: партия настолько выродилась, что все ее вожди оказались полными бездарностями. переворот был сразу же подавлен и партия фактически распущена. Вместе с ней рассыпался весь аппарат управления. Страна оказалась фактически без правительства, и Союз Советов распался на несколько национальных государств.

На самом деле главной причиной катастрофы был не тоталитарный режим сам по себе, а тотальная мобилизация народа на безнадежную борьбу с заведомо более могучим противником. Как только продолжение борьбы стало невозможным, следовало немедленно начать перестройку экономики на мирное производство, ни в коем случае не ломая механизма управления. Коренная перестройка экономического строя возможна только при сохранении авторитарного централизованного управления и *чрезвычайного положения*. Демократизация и уничтожение партийной диктатуры произошли бы затем сами собой — вероятно, не без борьбы, но в гораздо более благоприятных условиях. Не следовало также проводить в 1985 году «свободных» выборов — все равно в Советы было избрано около 80% коммунистов.

Разумнее было бы объединить советские органы с партийными, заставив партийный аппарат не руководить, а работать. Систематическая замена неспособных партийных чиновников более дельными беспартийными привела бы к размыванию партии и к ее преображению.

Перестройку же экономики следовало начинать с перехода к научному планированию и регулированию. В. Леонтьев советовал провести расчеты стоимости (т. е. необходимых затрат труда) основных, необходимых для жизни общества продуктов. Цены их можно было бы поддерживать на уровне, близком к теоретическому, государственным регулированием с помощью налогов и дотаций. Торговлю неабсолютно необходимыми товарами можно было бы выпустить на свободный рынок, расширяя постепенно его объем. Ни в коем случае не следовало бы денационализировать основные области экономики, допуская лишь концессии и аренду. Без помощи электронных средств управления и связи все равно ничего сделать было бы невозможно.

Подражать Западу следовало бы именно в организации производства ЭВМ и методов их применения.

Горбачев же, да и все «ученые» экономисты, вообразили, что свободный рынок есть панацея от всех скорбей, что он автоматически регулирует экономику и что именно рыночная экономика есть причина процветания Запада. Все это вздор.

Во-первых, Запад не процветает. Уровень жизни там, конечно, выше, чем у нас, но и то не везде и не для всех.

Во-вторых, рыночные механизмы регулирования весьма несовершенны, и даже неясно, в каком смысле они экономику регулируют. Регулирование цен спросом и предложением происходит очень медленно и никогда не приводит к теоретическим ценам. Время релаксации может измеряться годами, а за это время внерыночные факторы могут радикально изменить ситуацию. Вообще, теория спроса и предложения — чисто формальная и эмпирическая. Верно, что цены на рынке регулируются предложением и спросом. Но чем определяются сами предложение и спрос? Если на Западе произойдет катастрофа — а это более, чем вероятно, — то чему мы будем подражать?

Не следует ли нам, наученным столь горьким опытом, попробовать самим найти ответ на ставший перед всем миром вызов?

Плановая *социалистическая* экономика, научно регулируемая демократическим государством с помощью мощных ЭВМ, вряд ли оказалась бы менее эффективной, чем «свободная» рыночная. Однако аппарат, управляющий ею, должен быть гибким и не авторитарным. Его звенья должны быть всегда заняты конкретными научными задачами, решив которые, они должны сразу переходить к решению следующих задач, перестраиваясь для этого заново.

Современная экономика — гигантская мировая система, движущаяся среди внезапно возникающих перед ней препятствий.

Каждый просчет может привести к катастрофе. Задача, стоящая перед человечеством, — управлять этой системой в ее неодолимом движении, судьба которого неизвестна.

Русская Революция закончилась, наконец, в 1991 году распадом Государства Российского. В этом и была ее Цель?

II

В 1991 году распадом Советского Союза и всей «социалистической системы» завершилась Русская Революция. По-видимому, кончился первый этап охватившего весь мир процесса, который будущие историки назовут, вероятно, Кризисом Двадцатого века. Этот этап начался в конце предшествующего столетия и продолжался сто лет.

Теперь, когда он закончился, его Смысл и Цель очевидны: гибель Западной Цивилизации и рождение Всемирного Человеческого Общества. Первые признаки приближающейся катастрофы почувствовали в конце XIX века все, имевшие уши, чтобы слышать. Идеологи западного пролетариата, пытаясь понять смысл происходящего, создали научную теорию неизбежной гибели «буржуазного» общественного строя и образования Всемирного Пролетарского Государства, Всемирной диктатуры пролетариата. Эта *научная* теория, конечно, вульгаризованная и догматизированная, превратилась в новую Мировую Религию, ставшую государственной религией тоталитарного социалистического государства, в котором она полностью вытеснила Христианство. Борьба Капитализма с Коммунизмом, Христианства с Марксизмом охватила весь мир. Победила старая цивилизация. Ее адепты считают поражение социализма доказательством ненаучности и ошибочности теории Маркса, не признающей Божественного Провидения и «общечеловеческих ценностей».

Это совершенно неверно. Маркс действительно игнорировал в своем анализе существование на Земле нескольких Цивилизаций и недооценивал их роль в истории. Прогноз его оказался ошибочным, но это не доказывает ошибочности его метода. Предсказать будущее в истории вообще нельзя — слишком велика роль случайностей. Поражение Социализма — *случайно*. Процесс рождения Всемирного Общества не завершен; никто не знает, образуется ли оно когда-нибудь и каково будет. Победивший Запад временно устранил возникший перед ним вызов, но не устранил породивших его причин. Как преодолеть терзающие его внутренние противоречия, Запад не знает, никакой научной теории развития человечества у него нет. Вызов повторится. Каково же сейчас положение на Земле?

Первый этап кризиса закончился образованием Всемирной социальной системы, которая, однако, еще не Общество. Сейчас это только Симбиоз

обществ, принадлежащих разным цивилизациям, стоящих на разных ступенях развития и очень сильно отличающихся друг от друга размерами. Их связывает в одно целое охватившая весь мир сеть материальной культуры Запада, из которой не может и не сможет никогда вырваться ни одно из обществ Симбиоза ни при каких обстоятельствах. Однако все они сохранили, в большей или меньшей степени, свою духовную культуру, свою религию и свое государство.

Эта социальная система уникальна в буквальном смысле слова, гораздо уникальнее всех, до сих пор существовавших человеческих обществ. Она — одна на всем земном шаре.

Поэтому у нее нет соседей. Все сообщества мира образовали теперь единую систему, состоящую из отдельных обществ так же, как последние состоят из людей. Географическая граница тоже стала почти полностью внутренней, ибо географическая среда стала средой культурной, хотя стихийные бедствия все еще нельзя ни предвидеть, ни предотвратить. Социальная система «доопределялась» до того, что ее внешние отношения стали ее внутренними свойствами, она стала как бы одной во всем мире. Тем большее значение получает поэтому третья граница системы — духовная жизнь людей. Проявления духовной жизни стали сложнее, чем они были в отдельных обществах, и в гораздо большей степени вводят в жизнь социальной системы стихию случайности.

Для Мирового Симбиоза понятие закона почти теряет смысл. Необходимость сливается со случайностью, движение становится почти абсолютно непредсказуемым и построение моделей — очень трудным. Другого пути, однако, нет. Изучив историю образования Мирового Симбиоза и обнаружив тенденции его развития, нужно строить модели, для которых эти тенденции были бы имманентными законами, а мешающие им случайности были бы устранены. Будущее движение любой такой модели, *наверное*, не осуществится в действительности, но сравнение ее движения с действительным развитием Симбиоза позволит обнаружить новые тенденции и построить новые модели.

В любой модели придется рассматривать атомы, из которых она состоит, — отдельных людей, созданных социальной системой в ходе ее исторического развития. Они не только не могут существовать без общества, как без воздуха, но даже не мыслимы вне создавшей их культуры. Тем не менее, каждый человек — тотальность, вобравшая в себя все свое внешнее,

существующая «для себя», как если бы она была одна во всем мире. Человек обладает свободой воли. Но свобода эта — иллюзия. Действовать человек может только в системе социальных связей, либо примеряясь к ним, либо им противодействуя. Язык и культура связывают человека так сильно, что вне их он ничего не может даже себе представить. Поэтому не только внешние проявления духовной жизни людей, но и их внутренняя жизнь, несмотря на кажущуюся свободу, предсказуемы и управляемы. И на той высочайшей ступени развития культуры, на которой сейчас рождается Всемирное Общество, общественный организм стал настолько сложным, что он не может существовать, не управляя психикой всех составляющих его людей.

Люди работают сейчас в составе огромных коллективов, о существовании которых они часто не подозревают. Как в живом организме необходима нервная система, управляющая каждым органом и, в конечном счете, каждой клеткой, так и в социальной системе нужен механизм управления, регулирующий жизнь общества как целого, материальную и духовную стороны его жизни, неразрывно связанные друг с другом.

Природа такого механизма столь же проста, сколь она одиозна: это насилие, физическое и моральное принуждение. Имеет ли оно грубый характер угрозы уничтожения или принимает вид убеждения — дело от этого не меняется. В конечном счете, применяется сила, направляющая физическую и духовную деятельность человека к нужной обществу Цели. Без механизма принуждения обществ нет. А в Мировом Симбиозе сейчас такой механизм отсутствует. Если Мировое Общество должно родиться на Земле, в нем должен образоваться общий механизм принуждения, и это должно быть имманентным законом Мировой социальной системы. Всемирный механизм принуждения должен быть создан. Будет ли он создан — никто не знает. Каковы же должны быть его цели?

Держать в узде звериную природу человека могут сами входящие в Симбиоз общества. Гораздо труднее обуздать социальную природу людей. Эта природа, в понимании Запада, очень ясно изображена в Декларации Конгресса Соединенных Штатов Америки от 7 июля 1776 года, в которой говорится, что «Творец наделил каждого человека неотъемлемыми правами, среди которых главные — право на Жизнь, Свободу и Стремление к Счастью» (точнее, «Погоню за Счастьем» — Pursuit of Happiness). Последнее «право» охватывает, очевидно, все прочие «права» — только не человека, а Общественного

человека, Гражданина. Человек-животное никаких прав не имеет и иметь не может. Стремление к Счастью в обществе не означает ничего другого, как стремление захватить себе как можно большую долю имеющих в обществе «благ», т. е. стремление отобрать их у других. Другого способа обрести Счастье нет. Грабежу можно придать такой вид, что никто его не заметит. Ничего от этого не изменится.

В каждом входящем в Симбиоз обществе механизм принуждения уже есть. Но после объединения их в одну Систему Стремление к Счастью вырывается в *межобщественное пространство*, где никакого принуждения нет. Ничем не ограниченное, оно становится свободным и, следовательно, разрушительным. Только после создания Всеобщей Системы Принуждения Симбиоз может надеяться стать Обществом и не погибнуть в междоусобной борьбе. Задача создания такого механизма не нова — она уже решалась в истории разными способами.

Решая ее, приходится считаться с двояким проявлением жизни общества: оно проявляется как видимое движение — миграция населения, перемещение материалов и постройка сооружений — и как движение невидимое — духовная жизнь людей и коллективов. Именно в невидимом движении вырабатываются цели, вызывающие и направляющие видимое движение. Оба вида движения самостоятельны и настолько определены «в себе», что каждое из них можно считать системой (как системы в организме). Каждое из них — граница другого, снято в другом, непрерывно с другим взаимодействует, и действие другого для него случайно. В этом смысле оба вида движения свободны.

В соответствии с двойственностью жизни общества, механизм принуждения тоже двоякий: рядом с аппаратом внешнего принуждения, государственным аппаратом, сочетаясь с ним самыми разными способами, всегда существовал аппарат внутреннего, религиозного принуждения. Оба аппарата могут сливаться воедино, когда государство управляет не только действиями, но и духовной жизнью людей; но могут быть и полностью разделены, и тогда государство не вмешивается в духовную жизнь, где правит Церковь. Ни того, ни другого аппарата сейчас в Мировом Симбиозе нет.

Исторически получилось так, что Западная Христианская Цивилизация далеко опередила все прочие в развитии духовной и, в особенности, материальной культуры. Научная технология Запада настолько выше всего, созданного в этой области другими цивилизациями, что она уже сейчас

вытеснила все другие способы производства. Все человечество завалено произведениями западной промышленности, без которых жизнь кажется невозможной. Суданский партизан не может представить себя без автоматического пистолета, а Солженицын — без электронной системы информации, хотя и тот, и другой, каждый по-своему, борется с современными порядками. На все страны мира изливается денно и нощно, через радио и ТВ, духовная пропаганда Запада; воздушный транспорт перемешивает народы мира. Все это постепенно подчиняет местные культуры влиянию Запада, но одновременно и Запад подвергается своего рода «нашествию варваров», размывающего его культуру.

Уже начавшийся неотвратимый процесс слияния мировых цивилизаций навязывает каждому государству мирового Симбиоза одну Цель — объединение в одно Общество, с одним, охватывающим весь мир государственным аппаратом и Единой Религией. Однако каждая страна стремится сохранить свою самостоятельность, свою культуру и свою религию и ожесточенно сопротивляется давлению Запада.

Волею судьбы именно Западу выпала на долю задача объединения человечества, и за ее решение уже взялась величайшая Западная Сверхдержава — Соединенные Штаты Америки. Конечно, они намерены строить новое Общество по своему образу и подобию, считая свое государственное устройство и свою религию идеальными. Так ли это на самом деле? И могут ли они надеяться решить стоящую перед ними задачу?

Подавить сопротивление всех государств мира и подчинить их единому мировому государственному аппарату можно только физическим насилием, военными средствами, и на это Объединенные Западные Державы, вероятно, способны. Гораздо труднее заставить народ «покоренной» страны подчиниться господству чужеземцев. Физическое насилие здесь бесполезно. Никакие, самые жестокие меры не могут искоренить Стремление к Счастью, как его понимают в пределах своей культуры. Сделать это можно, только заставив людей действовать «не за страх, а за совесть», только заменив внешнее принуждение внутренним, сознанием невозможности преступить «нравственный закон», чем-то в роде инстинкта, побуждения, не вызванного ничем внешним, как бы исходящим «из глубины души» прямым внушением Бога. Без Новой Религии, которую должен создать Запад, ему не выполнить своей исторической задачи.

Трагедия в том, что религия Запада давно уже мертва. Две тысячи лет назад Христианство родилось как религия рабов, осознавших себя людьми. Раб, бывший в обществе вещью, понял, что человек — «образ и подобие Божие», создание Бога, обещающего ему освобождение от рабства в «будущей жизни». Затем эта религия была использована государством для достижения своих целей «другими средствами». Что из этого получилось — известно. Западное официальное христианство распалось на множество «исповеданий» и свелось к обрядам и традициям. Догматами его никто не интересуется и никто в них не верит.

Сейчас религия типа наивного Христианства и не нужна, и не возможна. Заставить народ верить во что угодно, можно и теперь — большинство людей и в наше время мало отличается от дикарей. Современный же культурный человек не может считать себя образом и подобием Бога, т. к. считать Бога чем-то вроде совершенного человека — явное кощунство. Не может также современный культурный человек верить в чудеса, о которых рассказывают все «священные» книги. Современная западная культура выработала гораздо более высокое представление о непостижимой божественности Вселенной, недоступное массам народа.

Христианство не может стать Новой Мировой Религией также и потому, что оно, как всякая религия, отрезает себе всякую возможность развития, считая себя хранителем Божественного Откровения, Истины, открытой людям самим Богом и потому — абсолютной. А нужна именно Новая Религия.

Дело в том, что Христианство создало западного «свободного» человека, *личность, ради которой существует Общество*, истинное подобие Бога. Такой человек склонен считать общество творением не Бога, а Дьявола, чем-то ненужным и враждебным человеку. Выйдя теперь в межобщественный вакуум Симбиоза, где никакого принуждения нет и не видно, за счет кого можно обрести Счастье, такой человек получает полную свободу действий. Его необузданное Стремление к Счастью должно быть так или иначе ограничено, иначе оно может все разрушить.

Нужна такая религия, которая заставила бы людей понять, что Бог непостижим и что Общество — тоже его творение, более высокое, чем человек, созданный обществом и который без общества — ничто. Современный западный человек усвоил христианскую заповедь — любить ближнего, как самого себя, т. е. видеть в каждом человеке такой же центр Вселенной, как он сам. А общество *не состоит* из самостоятельных, не связанных между собой

центров, оно — нечто целостное и первичное, породившее и образовавшее отдельных людей. Общество может иметь и имеет свои цели и потребности, которые могут противоречить не только целям и потребностям отдельного человека, но даже целям и потребностям всех членов общества. Новая религия должна слить личность и общество, заставить человека стремиться к достижению общественных целей и в этом находить Счастье для себя.

Такую религию и создал западный пролетариат — Марксизм. Ее появление вызвало ожесточенное сопротивление Христианства именно потому, что она, основываясь на науке, категорически отрицала существование человекообразного Бога, т. е., с точки зрения Христианства, Бога вообще. И как это ни удивительно, борьба выродившегося Христианства с новой религией привела в недрах самого Западного Общества (!) к попытке создать Расовую религию фашизма, абсолютно подчиняющую человека обществу, сводящую его природу к одной звериной, абсолютно ненаучную религию. Для Христианства обе новые религии одинаково неприемлемы, ибо обе отрицают божественность человека и человекообразность Бога. Обе они оказались побежденными и как будто исчезли, а Запад остался со своим выродившимся Христианством, т. е. без эффективного аппарата духовного принуждения, без которого общество не может нормально жить.

Вызов, возникший перед Западом, был преодолен, но он сразу же возник снова. Перед нами хороший пример действия случайности в истории. Рождение Новой Общечеловеческой Цивилизации на Земле необходимо, Капитализм и Христианство должны умереть и умрут. Победа Запада над Марксизмом завершила образование Мирового Симбиоза, но не решила ни проблемы превращения его во Всемирное Общество, ни внутренних проблем отдельных обществ мира. Бессилие Запада перед лицом повторившегося вызова в том, что он отрицает самое существование своих собственных внутренних проблем, в первую очередь существование в западных странах борьбы классов.

Религия Марксизма была основана на научной теории Маркса. Победив Марксизм, Запад должен опровергнуть Марксову теорию общественного развития, и он пытается отрицать очевидное: как были в классическом капиталистическом обществе XIX века классы, так они и остались в пришедшем ему на смену «постиндустриальном» современном Западном Обществе.

Не подлежит сомнению, что капитализм теперь не тот, что был в Европе в XIX веке, и даже не тот, что в начале XX столетия, перед Первой войной. Непонятно только, почему его называют постиндустриальным, ведь индустрия, т. е. крупная промышленность продолжает существовать, и даже стала еще более крупной. Дело не в названии. Но разве в развитых странах Запада нет классов? Верно ли, что там все члены общества собственники и все участвуют в управлении экономикой и государством?

Во всех капиталистических странах Запада есть пролетарии — люди, выполняющие рутинную работу в составе больших коллективов, занятые этой работой весь день и уже поэтому фактически не имеющие голоса в управлении. Если они имеют акции, т. е. право собственности на долю общественного богатства и право на доход от этой доли, то доля эта, очевидно, не может быть большой, ибо иначе они могли бы не работать. На деле они просто получают свою долю дохода частью как заработную плату, частью — как некое пособие, фактически же — просто некий прожиточный минимум.

И есть господа, не занятые одуряющим рутинным трудом, имеющие досуг (т. е. свободу) и собственность, право на получение дохода с гораздо большей доли общественного богатства, чем приходится на долю пролетариев. Господа могут управлять производством, ибо владеют каждый многими акциями (на собраниях акционеров голосуют акции, а не люди). Они могут также управлять государством, ибо имеют досуг и богатство, т. е. власть независимо от того, занимают они посты в правительстве, или нет. Отрицать существование этих двух классов невозможно. Утверждение же, что в демократических странах Запада правит «народ» и что там все свободны и равны, — очевидная ложь, и можно только удивляться, что кто-то этому верит.

«Народ» не может править ни при каком строе. Демократия — лишь форма правления, сущность же ее может быть в разных обществах совершенно разной. Демократия была и в Советском Союзе при Сталине, так же, как она сейчас есть в Соединенных Штатах. Основной ее принцип — подчинение меньшинства большинству — абсурд. Народу можно внушить, что угодно, можно направить его, куда угодно. Это бесчисленное число раз доказывалось в истории. Голосование в демократических органах, когда мнения разделяются, можно было бы заменить жребием — результат был бы столь же случаен, а обходился бы дешевле. Разговоры о демократии и равенстве только прикрывают разрывающие общество противоречия.

Дело осложняется еще тем, что по мере роста производительности труда — а в развитых странах она очень велика — все больше и больше людей оказываются лишними. Они вытесняются из производства, отстраняются от всякой полезной деятельности и не знают, куда себя девать. Для обуздания их законного Стремления к Счастью абсолютно необходимо самое жестокое внешнее и внутреннее принуждение. Вместо этого, в демократическом обществе им предоставлена полная свобода предпринимательства, свобода (конечно, «в пределах законности») политической, экономической и всякой другой деятельности, и они пользуются этой свободой, вовсе не думая об интересах общества.

Рост производительности труда и, вследствие этого, появление «лишних» людей, ищущих приложения своим силам, привели к очень существенному изменению общества «в себе», которое должно быть отражено в любой модели. Пока производительность труда была едва достаточна для сохранения жизни людей, каждый человек вынужден был производить все необходимое для себя и для всех тех, кто не мог работать. Тратить время на производство безусловно необходимого никому не могло придти в голову, а государство могло ограничить свое вмешательство в экономику собиранием своей доли общественного продукта. Производство было сравнительно простым, размеры его невелики, все необходимое для него можно было получить на рынке, где продавец и покупатель искали друг друга. Экономический механизм регулировался автоматически. Сознательного государственного регулирования экономики вовсе, или почти, не требовалось.

Теперь все совершенно изменилось. Размеры производства неимоверно увеличились. Обмен его продуктами охватил все человечество, так что образовался гигантский Мировой Рынок, на котором огромные массы товаров закупаются в одних странах и потребляются в других. Из-за размеров и сложной структуры рынка его саморегуляция действует очень медленно, так что автоматизм регулирования практически отсутствует.

Более того. Размеры производства далеко превосходят насущные потребности передовых обществ Мирового Симбиоза (отсталые же иногда голодают). Рождаются новые потребности, передающиеся даже дикарям, и организуется их удовлетворение во все возрастающем масштабе. Оставшиеся вне производства «лишние» люди — а их становится все больше и больше, — стремясь найти себе прибыльное занятие, изобретают искусственные

потребности, организуют производство никому не нужных продуктов, наводняют ими рынок и навязывают их потребление. Когда размеры производства достаточны для удовлетворения только разумных потребностей или лишь немного больше, рекламировать товары на рынке не надо — их купят и без того. Если же товаров слишком много или они в действительности не нужны, продавец должен заставить их купить. Для этого создается особая рекламная промышленность гигантских размеров, занимающая десятки миллионов людей (только в США в 1988 году было затрачено на рекламу больше 100 миллиардов долларов, т. е. этим делом было занято больше десяти миллионов человек).

В таких условиях, в пределах каждого государства Мирового Симбиоза, в каждом развитом или развивающемся обществе Симбиоза экономика становится хаотичной и требует принудительного регулирования и планирования. Осуществить это может только государственный аппарат. Такой аппарат был создан в тоталитарном Советском Союзе и в западных странах во время Второй Мировой войны. Как все человеческие творения, государственное планирование и регулирование экономики не может быть совершенным, но без него современные общества жить не могут. Альтернатива — хаос и разруха. И к этому близко экономическое состояние даже передовых стран мира.

Между тем, Запад принципиально отрицает «социализм», т. е. всякое ограничение предпринимательской деятельности «свободных» людей, сотворенных по образу и подобию Божию. Демократия на Западе превратилась, по существу, в правление паразитического класса господ, а Христианство выродилось в некое подобие язычества, похожее на религию монголов Чингизхана, считавших, что Бог — один и что пусть каждый чтит его по-своему. Современный человек Запада в Бога, вероятно, верит. Представляет он его себе, вероятно, как очень могущественного человека, и ближе познать его не стремится. Себя современный человек Запада тоже считает весьма совершенным Венцом творения и Центром Вселенной. Притом он крайне суеверен, неспособен к научному мышлению и абсолютно не в состоянии понимать законы движения общества.

Никакой Новой Религии и никакой новой организации государства предложить Мировому Симбиозу Запад не может.

Арнольд Тойнби, исследуя эмпирически историю цивилизаций, очень верно заметил, что погибающая цивилизация не в состоянии уничтожить в корне возникающие перед ней вызовы, и они возникают снова и снова, принимая новые формы, но оставаясь теми же по существу, пока не наступает крах. Вызов, вставший перед Западом в начале Холодной войны и устраненный победой над Коммунизмом, возник снова, еще более грозный. Сопротивление мелких государств наступлению Запада усиливается. В самих западных странах вспыхивают то тут, то там гражданские войны. «Нашествие варваров» принимает все больший размах. Надеяться на то, что Западу удастся в обозримом будущем превратить бесформенный Симбиоз в организованное Общество, вряд ли можно. Сами западные страны не в состоянии устранить раздражающих их внутренних противоречий и не могут предложить миру ни экономического, ни духовного идеала. Нет никакой теории развития человечества в ближайшем будущем.

С большой степенью уверенности можно предположить, что еще долго будут продолжаться войны между мелкими странами Симбиоза и внутренние войны в более крупных странах. Подавить их сейчас пытаются западные страны с помощью своего рода Всемирного Полицейского управления — Организации Объединенных Наций. Полицейскими мерами можно пресекать уже начавшиеся беспорядки, но нельзя устранить их причины. Более того, вмешательство ООН, за которой все более явственно выступают США, только увеличивает раздражение мелких государств против «вмешательства в их внутренние дела». Они не могут примириться с «ограничением их суверенитета» — доктриной Брежнева, против которой раньше категорически возражали сами западные страны. Смутное время в Мировом Симбиозе будет, скорее всего, продолжаться не меньше ста лет, если оно не перейдет в Третью войну.

Предсказания здесь невозможны. Социальная система состоит из двух сотен обществ самых разных типов, страдающих каждое от своих неурядиц, а тенденции развития в наступающем критическом состоянии настолько неопределенны, что построение моделей исключительно трудно, если вообще возможно.

На роль мирового гегемона претендуют Соединенные Штаты — единственная Сверхдержава. Но все ли благополучно в ней самой?

Ее пролетариат сейчас, по-видимому, спокоен. Как и во всех странах Запада, после двух Мировых войн пролетариат перестал стремиться к

политической власти, предоставляя господам править. Неясно, произошло ли это из-за физического истощения народов в ходе опустошительных войн или пролетариат поверил в исчезновение классов, но равнодушие пролетариата Запада к политике — факт. Отсюда не следует, что пролетариат Соединенных Штатов будет вечно вести себя смиренно. Уже сейчас он наполовину разбавлен «варварами» (неграми и «испанцами»), а приток восточно-азиатов усиливается. «Варвары» не проделали опыта западного пролетариата, не известно, как они поведут себя в будущем. Там, откуда они приходят, долгое время пропагандировалась религия Марксизма, и нельзя забывать, что она основана на правильной научной теории. В головах «варваров» Марксизм, несомненно, оставил глубокие следы, и теперь он снова может, окольным путем, проникнуть в сознание американского пролетариата. Противопоставить же *научному* Марксизму Запад не может ничего серьезного — теория «постиндустриального» общества слишком примитивна и демагогична. Поэтому надеяться на способность Соединенных Штатов стать экономическим гегемоном мира, было бы странно и напрасно.

Еще хуже обстоит дело с Религией.

Возможна ли вообще в наше время религия без мистики? Я имею в виду не аппарат духовного принуждения, а живущее в душах людей внутреннее «исповедание», их *веру*, т. е. уверенность в ожидаемом, как в настоящем (что-то в этом роде говорится в православном катехизисе). В христианские догматы не верит никто. Научное же прозрение в сущность Божества массам недоступно.

Вероисповедание рядового американца, несомненно, следует считать язычеством. Он верит в Бога, или Богов, очень неясно представляя себе, что это такое.

Он, несомненно, боится нарушить какие-то запреты или заповеди, верит, что его жизнь программируют, контролируют и направляют какие-то таинственные силы, которые «наука еще не открыла». Ничего не понимая в мире, современный американец, как всякий дикарь, готов верить всему, что ему будут настойчиво внушать. И очень может быть, что какие-нибудь «ученые» придумают новую форму «высшего язычества», которое сможет стать Новой Мировой Религией, — ведь было же что-то подобное в Германии? От этого упаси нас Бог.

Если же оставить надежду на появление новой *духовной* религии, то остается возможность религии политической, ставящей Земную Цель, но цель не пошлую, сводящуюся всегда к достижению какого-то благополучия, которое

оказывается, в конце концов, либо недостижимым, либо не стоящим затраченных на его достижение усилий, а Цель, осуществить которую надо во что бы то ни стало, чтобы не погибнуть.

Угроза гибели сейчас действительно возникает перед человечеством с разных сторон: угроза ядерной войны, угроза захвата средств массового истребления бандитами, угроза перенаселения, порчи географической среды, появление новых болезней или изменения биологической природы человека, и т. д., и т. п. Обнаружить вовремя такие угрозы и найти способы борьбы с ними — дело науки, но поднять массы народа на уничтожение грозящей гибели должна Религия, которая принудила бы людей по внутреннему побуждению, не щадя сил и жизни, бороться за достижение общей Цели. Мистике тут нет места. В минуту смертельной опасности вряд ли кто вспоминает о Боге или Богах, исчезает самая способность вспоминать что-либо. Попытку создать такую религию и сделал западный пролетариат в Марксизме. Она оказалась неудачной, ибо угроза порабощения пролетариата буржуазией оказалась не столь уж ужасной, и потому еще, что буржуазия ухитрилась найти выход из положения. Теперь она ничего придумать не может.

Whither Russia?⁴

Россия вошла в Мировой Симбиоз в самый разгар царящей в нем Смуты. К тому же Россия сейчас даже не Общество. Ее государственный аппарат разрушен, полностью отсутствует аппарат духовного принуждения, в экономике — хаос. Налицо условия, благоприятные для бонапартизма, т. е. захвата власти авантюристами, но не видно даже никаких талантливых проходимцев, способных найти выход из тупика, в который попала страна. Долгие годы тоталитарного режима убили в русском народе творческие силы.

А перед страной стоят исключительно сложные задачи. Надо не только создать новый аппарат управления, обуздать проходимцев, вообразивших, что они обрели полную свободу, но и построить в буквальном смысле новое общество. Нужно также найти свое место в Мировом Симбиозе, в котором России угрожает участь рядовой страны. Остаться вне Симбиоза Россия, безусловно, не сможет. Но полагаться на помощь Запада в перестройке

⁴Примечание: Куда Россия? (англ.)

русского общества по западному образцу, обманывая народ описанием «Западного Рая», где «всего много и все дешево» (!), бесполезно.

Что же будет с Россией? На Западе так и спрашивают: «Whither Russia?». Россия никогда не была полностью страной Западной Цивилизации. Стоя между Западом и Востоком, она в течение всей своей истории постоянно «догоняла» Запад в области материальной культуры, в то же время сохраняя и упорно отстаивая свое духовное своеобразие (духовную независимость) и даже притязая на якобы уготованную ей Провидением особую роль в мире. Не будучи в состоянии догнать Запад, Россия далеко опередила все прочие цивилизации мира, став второй Сверхдержавой. Обе Сверхдержавы начали борьбу за руководство в создании Мирового Общества, и Россия потерпела поражение из-за своей технической отсталости, из-за того, что она начала борьбу, не догнав предварительно Запад. Поэтому поражение России случайно, и ее стремление сохранить свою цивилизацию должно сохраниться. Подражать Западу Россия не может, так как Христианство в России было уничтожено коммунистами и надеяться на его возрождение напрасно, а Марксизм, хотя и вульгаризованный, продолжает существовать как Мировая Религия в Китае и многих «развивающихся» странах.

На Западе это понимают. Хотя Россия повержена во прах, с ней обращаются осторожно, делая вид, что по-прежнему считают ее Великой Державой. Пытаются навязать ей вместе с западной техникой и западную идеологию, стараются полностью включить Россию в сообщество западных стран, чтобы вместе с ней перестраивать мир по западному образцу и подобию. Может быть, было бы хорошо, если бы это удалось. Но надежды на это мало. Запад сам переживает кризис, выхода из которого не видно. Если Россия просто примкнет к нему, она станет одной из рядовых стран Мирового Симбиоза, попадет в самую гущу борьбы мелких держав, растеряет свои азиатские владения (европейские и среднеазиатские она уже потеряла) и Русская Цивилизация перестанет существовать.

Найдет ли Россия в себе силы самой одолеть свои беды и отыскать путь в будущее не только для себя, но и для всего человечества, на что она всегда считала себя способной и к чему считала себя предназначенной свыше? Решить эту задачу должна была бы русская интеллигенция, характерное произведение Русской Культуры, возникшее в результате взаимодействия с Западом и не имеющее на Западе аналога. Но сохранилась ли еще интеллигенция в России?

Потомки бывших интеллигентов, оставшиеся в России, освободившись от сталинского гнета, который, кстати, не мешал им думать над судьбами человечества, ищут спасение в восстановлении исторических корней русского народа, в возвращении к Православию и исконно русским традициям. Всю историю России чуть ли не со времен Петра они считают рядом сплошных ошибок. Это — свидетельство бессилия, полной неспособности к историческому творчеству. Культуру не хранят, а творят. Вновь созданное сохраняется в культуре, но и отягощает ее, ограничивая свободу ее творчества. С течением времени культурный шлейф становится очень длинным и тяжелым, он начинает мешать, и его надо постоянно подрезать, отсекая отмершую бахрому. Надо идти вперед, и «пусть мертвые хоронят своих мертвецов».

В первую очередь русская интеллигенция должна признать, что научная теория развития общества, разработка которой была начата Марксом, *верна*. Ничего равноценного Запад не создал, и всякие домыслы о Божественном происхождении человека, Божественном Промысле и т. п. должны быть раз и навсегда оставлены, даже если когда-нибудь придется создать на потребу вульгуса какую-нибудь циничную чепуху. Новую Религию может создать только народ. Но искоренять грубые суеверия, пропагандировать мораль, т. е. основанную на разуме необходимость соединять личные интересы с общественными, сделав это привычкой, интеллигенция должна. И прежде всего она должна сделать это обязательным для себя, что и было характерно для Русской интеллигенции.

Затем следует оставить упования на демократию западного образца. Народ в современных больших государствах править не может, и нигде не правит. Достаточно посмотреть, как в Соединенных Штатах выбирают Президента, или как судьба Европы решается всенародным голосованием, например, в Дании. Правящее сословие всегда будет, надо только, чтобы оно не становилось мистическим «Орденом» и кастой. Референдумы полезны только для выявления желаний народа, и результат их имеет ценность только тогда, когда подавляющее большинство держится одного мнения. Вероятно, стоило бы восстановить остракизм, изгнание негодных народу вождей. Выдвигать в правительство надо не с помощью выборов, а по способностям и жестко ограничивать пребывание на руководящих постах и компетенцию правителей.

Вряд ли теперешняя русская «интеллигенция» на все это способна. Но иного пути построения Всемирного Общества нет. И не обязательно оно должно образоваться. Пессимизм здесь очень понятен: человечество

существует очень давно, все способы организации общества уже как будто испытаны, все религии уже были придуманы и ничего нового изобрести, кажется, нельзя. Такое уже бывало. Но является Гений и придумывает невообразимое. Когда Римская империя разрушилась и образовался симбиоз германских королевств, никто не мог предвидеть, что из этого симбиоза «через каких-нибудь тысячу лет» начнет рождаться Новая Цивилизация, и никто даже отдаленно не мог себе представить, на что она будет похожа.

Если Мировое Общество не образуется и будет продолжаться борьба всех против всех, и все страны освоят западную технику, человечество, скорее всего, выродится и погибнет. Это возможно. Бессмертие и бесконечный прогресс не имманентны обществу, как и Неизбежная Смерть (для организмов) не имманентна. Случайности, зависящие от «злой воли» человека устранить нельзя, они имманентны свободе воли.

Все вышенаписанное, может быть, спорно, необоснованно и просто ошибочно. Может быть. Еже писахъ, писахъ. Как сказал Пилат: *Quod scripsi, scripsi.*

1992—1993